

УДК 398

ТЕМА ХЛЕБА В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

А. К. Амирханова

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Данная статья представляет собой попытку проследить тему хлеба в фольклоре дагестанских народов. Фольклор являлся важной составляющей всех общественных и семейных праздников, частью народного быта. Хлебная тема присутствует в пословицах, поговорках, заговорах, благопожеланиях и проклятиях, притчах, баснях и т.д. Хлеб, хлебные изделия, мука и зерно играли важную роль как в материальной, так и в духовной культуре народов Дагестана.

This article is an attempt to trace the theme of bread in the folklore of the peoples of Daghestan. Folklore is an important part of all social and family holidays, part of national life. Proverbs, plots, good wishes and curses, parables, fables, etc. are often connected with Bread theme. Bread, bakery products, flour and grains play an important role in the spiritual culture of the peoples of Daghestan.

Ключевые слова: хлеб; фольклор; Дагестан; обряды; легенды; басни; пословицы.

Keywords: bread; folklore; Daghestan; rituals; legends; fables; proverbs.

Земледелие – древнейшее занятие дагестанских народов. Многочисленные археологические материалы, письменные и другие источники служат несомненным подтверждением древности данной отрасли хозяйства у этих народов. Так, например, Н.И. Вавилов считал Дагестан одним из очагов «первоначальной земледельческой культуры» [1]. Он писал, что по части злаков Дагестан является наиболее важным мировым очагом видового происхождения злаковых, без которого нельзя понять эволюцию пшеницы и ржи [2].

У народов Дагестана, как и у многих других земледельческих народов мира, хлеб являлся важной частью пищевой культуры и составлял значительную долю в ежедневном пищевом рационе.

Тема хлеба нашла отражение и в фольклоре (пословицы, заговоры, притчи, басни). С хлебом, хлебными изделиями, зерном, мукой связан ряд поверий и примет, мучные изделия часто присутствовали в семейных обычаях и обрядах, в обрядах религиозного цикла и т.д. Все эти обряды на протяжении многих лет изменялись под воздействием времени, религии, общественных отношений и уклада жизни.

На основе трудовой деятельности человека возник календарно-обрядовый фольклор. У большинства народов Дагестана хозяйственный год начинался с весны. Когда гремел первый гром, предвестник весеннего дождя, кумыкские женщины ударяли по деревянным закромам, топали ногами у зерновых ям, приговаривая: «*Мол тушум гелсин, загъурлар толсун*» («Да будет богатый урожай и закрома наполнятся зерном»), а дети по совету старших похлопывали себя по животу: тем самым и те, и другие выражали пожелание получить богатый урожай, быть сытыми [3].

Широко отмечали дагестанские народы праздник весны (или праздник нового года) «Навруз». Во всех домах проводилась уборка, побелка, устраивались специальные купания, шилась новая одежда, готовились праздничные национальные блюда, включая обязательно и мучные изделия. Молодые люди, нарядившись в шубы, папахи, изображая различных животных, ходили по домам соседей и родственников и исполняли частушки, песни, танцы: «С днем Навруза, днем весны, / Мы поздравить вас должны, / Ассаламуалейкум! / Да просеется тоска, / Да просеется мука, / А мука у вас бела. / Испеките вы пирог – / Нам отрежьте кусок» [4].

Табасаранцы праздник наступления весны «Эвелцен» табасаранцы праздновали в день весеннего равноденствия – 22 марта. В разгар праздника дети исполняли песни: «Эвелцен гуляет... Цилдикские ребятишки озоруют, / В тендере что-нибудь варится, бабушка? / Весенние блины есть у тебя бабушка? / В камине блины жарятся, бабушка? / А дома зерно есть, бабушка? / Жан, бабушка, дай нам одно яичко! / Пусть зерно и скот будет в изобилии, бабушка!» [5]. В эту ночь во всех домах пеклись блины «афрар».

Среди традиционных весенних праздников народов Дагестана следует отметить праздник первой борозды, или «первого выхода плуга». Во время этого праздника проводилась обрядовая запашка поля. У аварцев праздник выхода плуга сопровождался такой песней: «Пусть

сыплется пшеница подобно земле, / Чтобы был большой урожай, / Чтобы и на камушках вырос урожай» и т.д. Этот обычай у аварцев описывает и Г.Ф. Чурсин. Мулла выходит в надетой наизнанку шубе, запрягает в плуг быков и начинает разбрасывать по земле горсть семян различных злаков. Потом мулла проводит плугом несколько борозд, а народ берет комья земли и бросает в муллу со словами: «Дай Бог пшеницу, как сыплется земля» [6].

Даргинцы, исполняя ритуальную песню, тоже осыпали пахаря землей и обливали водой, приговаривая при этом: «О Аллах, да будет урожай на пашнях. / Да будет урожай, да будет урожай...».

Лакцы в начале пахоты исполняли песню: «С именем Бога милостивого и милосердного, / Пусть будет стебель высоким, как пророк, / Пусть будет колос большим, как святой Сулейман, / Пусть дом наполнится зерном, / А шест наполнится мясом» [7, с. 73].

У табасаранцев большую популярность имел обряд первого посева семян «тум убзуб». Мать, провожавшая пахаря в поле, шла впереди и раздавала всем встречным по кусочку свежее испеченного хлеба, тем самым выражая пожелание изобилия и удачи. Все те, кого она угощала хлебом, в ответ желали им: «Пусть колос будет крупным!», «Пусть будет у вас изобилие!» и т.д.

После завершения сбора урожая кумыки (в основном молодежь) собирались вечером и ходили по домам сельчан, исполняя специальные песни, а хозяева домов одаривали их сладостями. Вот небольшой отрывок из такой песни кумыкского фольклора: «*Гелин къатын, турсана! / Туруп, арпа берсана! / Арпа берсенг, тартарбыз... / Будай берсенг, ашарбыз... / Бергенлеге – беш яш! / Бермегенлеге – жижек баш!*» («Невестка, встань же! / Встав, дай же ячмень! / Если дашь ячмень, смелем... / Если дашь пшеницу, съедим... / Тем, кто даст, – пятеро детей! / Тем, кто не даст, – цыплячью голову!») [8].

У лакцев тоже существовал подобный обряд под названием «ходить козлами». На молодого человека надевали маску, изображающую козла, и шубу шерстью наружу, а он мычал и блеял и смешил народ. Вся эта процессия продвигалась с шумом и плясками по селу, посещая дома сельчан. Во дворе дома «козел» неожиданно падал, хозяин спешил одарить людей, а «козел» по условному сигналу «воскресал» и продолжал смешить народ. Дети во время этого обряда пели песни: «*Къатта къалмул буцИннав, / Су ппиринжрал буцИннав, / Хью гъаттарал дуцИннав! / Дулайминнан арс аннав, / Къадулайнан душ баннав! / МухАммадул уммат, / Жу бачИва гъан мабари!*» («Да будет полон дом зерном, / Да будут полны закрома рисом, / Тому, кто даст, да родится сын, / Тому, кто не даст, да родится дочь! / Люди Мухаммеда (мусульмане), / Не верните нас с пустыми руками») [7, с. 64–65].

Фольклор присутствовал также и в обрядах вызывания дождя. У лезгин обрядовая песня названа по имени ряженого «пешапая», которого водили по селу с песней, шутками и плясками. Останавливаясь перед каждым домом, сопровождающие его исполняли песню: «*А пешапай, пешапай! / Пешапаяз марф къанда, / Имир, имир, и мир марф. / Дефей чка тамир марф. / Марф къуьлериз, / Къуьл кIатIариз. / Къабул урай гъуцари*» («Эй пешапай, пешапай! / Пешапаю нужен дождь. / Дождь – хлебом, / Хлеб – закромам, / Аминь воздадим Богу! / Пусть примет Бог!») [9]. Подобная песня-заклинание существовала и у других народов Южного Дагестана [10].

У кумыков, когда начинал моросить долгожданный дождь, дети исполняли игру-заклинание. Надев мешки на головы, они кружились и пели: «*Яв, яв, явлу къалач бермен! / Къуй, къуй, къоймакъ къалач бермен!*» («Капай, капай, дам тебе слоеный калач! / Лей, лей, дам тебе калач с яичницей»; «Лейся дождик посильней дам тебе 100 калачей») и др.

Обряд вызывания дождя с похожими песнями-заклинаниями существовал у многих народов Дагестана.

У каждого народа были заговоры от детских болезней и возрастных недугов, вредных привычек, для защиты ребенка от «сглаза» и от действия «нечистых сил» и др. Так, например, у кумыков, когда у ребенка болел живот, бабушка большим пальцем крутила пупок и приговаривала: «*Кирич чыкъ, кирич чыкъ! Ондан гирип мундан чыкъ! Эти семизлеге бар, Этмеги къоплеге (къалыглагъа) бар! Бу амалсызда сагъа не бар?!*» («Грязь (болезнь), выйди! Оттуда зашла, отсюда выйди! Уйди к тем, у кого мясо жирное, к тем, у кого хлеба много! Что тебе надо от этого бедняги?»).

Если ребенок потягивался, ногайцы говорили, что это «собачья потяжка» и немедленно предпринимали меры, чтобы избавиться его от этой привычки. Для этого они брали кусок хлеба и, покругив над головой ребенка три раза, давали этот кусок собаке, приговаривая: «Пусть уйдет к собаке» – «*Ийт керис бала керилсе, ийт керис болган деп, оьтпек кесегин алып, баладын басыннан уьш кере айландырып, ийтке бередылер, бала керисы ийтке кетсин деп*».

У ногайцев женщина, если хотела родить девочку, заворачивала хлеб в женскую одежду и оставляла этот сверток у ворот дома муллы, а если – мальчика, то хлеб заворачивала в мужскую одежду: *«Бebesи болмайтаган хатын, кыз керек болса, капталга оьтпекти орайды; кеде керек болса, шепкенге оьтпекти орайды эм молладынь термесиннинь алдына салып кетди. Мола китап окыйды, дува этеди. Алла-таладан тилек этеди»*. Мулла открывал книгу (Коран), читал молитву и просил Аллаха за эту женщину.

Существовали и проклятья, в которых также упоминался хлеб, например: «Чтоб тебе кусок хлеба поперек горла встал». Так, у лакцев, проклиная возлюбленного, девушка желает зла не только ему, но и всей его семье: *«ЧчатI булла оьрчIал чиннав, / Бакъари къатул чиннав! / Чил хъу къалмул дюрхъуну, / Виллса сарсаран хъуннав!»* («Да попросят дети хлеба, / Да пусть не будет в доме! / Да уродится у чужих урожай, / Да пусть на твоём поле не вырастет ничего!») [11].

Практически у всех народов Дагестана существовали и различные благопожелания, в которых фигурировал хлеб. Например, такое пожелание, как «Да увеличит Аллах твою долю хлеба в этом мире!», являлось своеобразной формой пожелания долголетия.

«Хула хъали анкIили биц!» («Да наполнится твой дом зерном») – говорят аварцы в благодарности за что-либо или в качестве заговора. Кумыки, желая благополучия, говорят: *«Будай явсун башынгъа»* («Пусть на твою голову посыплется пшеница»).

Лакцы в день укладывания ребенка в люльку выпекали 20 или 30 хлебцев в виде человеческих фигурок и клали в люльку. Дети соседей и родственников брали себе по хлебцу и приговаривали: *«Вил цукъа ттун, ттул шану вин»* («Твой хлебец мне, мой сон тебе») [12].

У лезгин одна из женщин разламывала над головой невесты хлеб на маленькие куски и, намазав их медом, раздавала всем присутствующим. Считалось, что человек, съевший кусочек «невестиного хлеба», обретет счастье, удачу. Отведавшие хлеба произносили: «Пусть жизнь невесты будет такой же сладкой»; «Пусть невеста принесет изобилие в дом жениха» и т.д.

Хлеб также присутствует в пословицах и поговорках. Темы, возникающие в них, касаются всех аспектов жизнедеятельности человека. Календарно-обрядовые пословицы и поговорки призваны закрепить в памяти будущих поколений важные наблюдения и рекомендации. Кумыки говорили: *«Будай суттулай, арпа къаралай»* («Когда пшеница созревает, ячмень уже переспевает»). Считалось, что семена двухлетней выдержки для посева лучше, исходя из этого кумыки говорили: *«Эки яй гёрмеген будайдан будай болмас»* («Пшеница, не увидевшая два лета, – не пшеница»).

Еще кумыки говорят: *«Будайинг ёкъ буса, будай тилинг де ёкъ му?»* («Если пшеницы нет, доброго («пшеничного») слова тоже нет?»); *«Ашамагъа аш яхшы – ойнамагъа яш якъшы»* («Для еды – хлеб хорош, для игры – ребенок»); *«Эрини этмегини татлиси де бола, аччиси де бола»* («Хлеб мужа – и сладкий бывает и горький»). О человеке, который много ест, кумыки говорят: *«Аш бастырагъан кетен»* («Салфетка, в которую заворачивают хлеб»).

«Арпа да, тари де аш экен, инжи, маржан – таш экен» («Ячмень да просо, оказывается, – еда, а жемчуга да кораллы – всего лишь камни») – в основе этой кумыкской поговорки притча, в которой рассказывается о том, как один человек взял с собой в дорогу драгоценности вместо хлеба, а по пути обменял все свое состояние на хлеб.

Значение, которое придавали терекеменцы, например, весенней вспашке, образно зафиксировано в пословице: *«Гугары олмаянын когалы олмас»* («Кто не вспахал землю под пар, не может иметь сдобных лепешек») [13, с. 33]. Также терекеменцы говорили: *«Рисхини эле алып чыхан эвде берекет олмас»* («Не будет достатка там, где хлеб выносят из дома и едят на улице, на ходу») [13, с. 162].

«Арпа эптегин олсун, дузду сувум, динч кулагъым» («Пусть будет у меня ячменный хлеб и соленая вода, но зато покой на душе») [14], – говорят дагестанские азербайджанцы.

Ногайцы говорили: *«Оьтпектинь бетин тырнама»* («Не царапай лицо хлеба»). Даже прикасаться к хлебу чем-то острым у них считалось грехом [15]. Размышляя о мудрой старости и горячей молодости, ногайцы говорили: «У старика за пазухой хлеб спрятан, у молодого – кнут». Еще ногайцы говорили: «Кто не доест свой хлеб, тот оставит свое счастье»; *«Озинь тапкан оьтпек таьтли»* («Заработанный своим трудом хлеб – вкусный»).

В аварской пословице «Человек без родины – что сумка без хлеба» показан патриотизм, любовь к родине, к родному краю. Про человека, который много разговаривает, аварцы говорят: «Рот для хлеба оставь».

Приведем еще несколько аварских пословиц о хлебе: «У мельника – хлеб, у охотника – мясо»; «Жизнь – что мельница, она крутится, как колесо, и ломается, как хлеб»; «Не отведав, не понять вкус хлеба, не увидев, не понять человека».

И у аварцев и у лакцев встречается пословица, которая в переводе звучит так: «Ячмень сей в пыль, пшеницу – в грязь».

Лакская поговорка гласит: «*Дукралул паччахI ччатIри*» («Царь еды – хлеб»); «*ЧчатI бив-кIссания, ккарччив лякъинссия*» («Был бы хлеб, зубы нашлись бы»); «*Зукъазинан ччатI бакъассар*» («Не работающий не имеет хлеба») и т.д.

«С ячменем смешать – лошадь не съест, с отрубями смешать – собака не съест», – говорили табасаранцы про никчемного человека.

Тема хлеба присутствует и в загадках. Так, у даргинцев есть загадка, сложенная в виде сжатого стихотворного рассказа: «Два брата дерутся (жернова мельницы), / Двоюродный брат созывает людей (разнимать дерущихся), (колотило), / Народ прибегает (зерно), / Прибегавших сразу убивают (зерно, которое превращается в муку)» [16].

У кумыков есть такая загадка: «*Ярда къалгъан ярты этмек*» («На краю скалы – полчурека осталось»). (*Месяц*.)

Лакская загадка: «*Лагъсса магъул марххала буллай бур ци ссигъар?*» («С низкой крыши сыплется снег, что такое?») (сито с мукой); «*Кару, чану дакъана аьшуву, къавтIун диКIай, ци ссигъар?*» («Без рук, без ног, но танцует в корыте, что такое?»). (*Тесто*.)

Табасаранская загадка: «Белый олень катается на белой равнине». (*Тесто в корыте*.)

Множество притч, басен, преданий и легенд народов Дагестана связано с хлебом. Так, в одном предании рассказывается о том, как мать искала сыну экономную и чистоплотную жену. Ее сыну нравилась одна девушка, а мать присмотрела ему другую. Чтобы решить спор, мать пошла к девушке, которая нравилась ее сыну, и сказала, что ее сын болеет и что ей нужны остатки теста, оставшиеся в корыте после замеса, чтобы его вылечить. Девушка вынесла ей целое корыто таких остатков. Затем мать пошла в дом той девушки, которую она присмотрела сама, девушка извинилась и сказала, что у нее не бывает таких остатков. Придя домой, мать все рассказала сыну. Договорившись, они отправили сватов в дом ко второй девушке [17, 18]. У кумыков даже существует поговорка: «*Сюнкюкуне къарап къызыны ал*» («Посмотрев на корыто (для замеса теста), выбирай сноху»).

У кумыков также существовало предание о жадной свекрови, которая заставляла своих снох танцевать перед ней с поднятыми руками, перед тем как отпустить их в свои комнаты, чтобы проверить, не унесли ли они с собой что-нибудь из продуктов. «Когда свекровь в очередной раз заставила всех танцевать, младшая сноха исполнила ее требование и при этом спела: «*Уллу минав этгенмен, ажай, / Тецигин тар этгенмен, ажай, / Узулмаса чечилмес, ажай, / Ону гъеч гиши билмес, ажай*» («Я испекла большой чурек, / Чурек имеет маленькое отверстие, / Если шнур не оборвется, узел не развяжется, / Никто о нем не будет знать») [19]. С.Ш. Гаджиева отмечает, что аналогичное предание зафиксировано и у азербайджанцев [Там же].

У аварцев есть притча, в которой отражается большая значимость зерновых культур в хозяйстве горцев: «Хунзахский хан отправил к гидатлинцу много золота и серебра в обмен на зерно. Гидатль издавна считался благодатным краем в Аварии и славился изобилием хлеба и мяса. Гидатлинец бросил золото и серебро в помой собаки, а собака вылакала все помой и оставила на дне золото и серебро. Посмотрев на это, гидатлинец сказал, что ему не нужно золото и серебро, которое не ест даже собака, и вернул хану его золото с серебром и еще послал ему зерно» [20]. С тех пор у аварцев существует и поговорка «Не запасайся тем, что не ест даже собака».

Также у аварцев бытует аллегорическая притча «Пшеница и ячмень». Ячмень обращается к пшенице со словами: «Давай накопим богатство», а пшеница отвечает: «Нам не нужно копить богатство, в нас самих и золото, и серебро» [20].

У многих народов Дагестана существует притча о том, как однажды молодой человек, найдя самородок золота, относил его то к ювелирам, чтобы они его оценили, то к торговцам драгоценностями. Не поверив никому, молодой человек обратился с просьбой к великому мудрецу: «Помоги установить истинную цену моей находки». На что мудрец ответил: «Твоя находка стоит целого состояния, но попробуй неделю не поесть – отдашь самородок за кусок хлеба. Вот и думай теперь, что самое ценное в нашей жизни».

Как мы видим, фольклор сопровождал все общественные и семейные праздники, трудовую деятельность и жизнь людей. В сознании каждого человека, хлеб – это символ большого человеческого труда, плод его тысячелетней деятельности. Приведенные выше примеры являются для нас наглядным подтверждением того, что хлебные изделия не только занимали важное место в ежедневном пищевом рационе народа, но и имели ритуальное значение, а тема хлеба нашла широкое отражение в фольклоре. Из всего сказанного видно, что хлеб, хлебные изделия, мука и зерно играли важную роль в обрядах календарного и религиозного цикла, присутствовали в семейных обычаях и обрядах, существовали поверья и приметы связанные с ними и т.д. Хлеб играл важную роль в материальной и духовной культуре всех народов Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вавилов Н.И.* Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.; Л., 1957. С. 24.
2. *Вавилов Н.И.* Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития // Изв. АН СССР. Сер. биол. 1957. № 5. С. 591.
3. *Гаджиева С.Ш.* Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989. С. 19.
4. Расскажите мне что-нибудь / пер. *Н. Гребнева*. Махачкала, 1964. С. 10.
5. *Курбанов М.М.* Магия в календарно-обрядовой поэзии табасаранцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1989. С. 40–42.
6. *Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С. 52.
7. *Халилов Х.М.* Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 73, 64–65.
8. *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005. С. 144.
9. *Ганиева А.М.* Народная лирическая поэзия лезгин. Махачкала, 1976. С. 16.
10. *Трофимова А.Г.* Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана // Азербайджанский этнографический сборник. Баку, 1966. С. 99.
11. *Халилов Х.М.* Вербальная магия в поэзии лакцев // Магическая поэзия народов Северного Кавказа: сб. ст. Махачкала, 1989. С. 87.
12. *Рамазанова С.К.* Цовкра 1. 2-я пол. XIX–XX вв. Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1998. С. 155.
13. *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в. М., 1990. 216 с.
14. *Гаджиева С.Ш.* Дагестанские азербайджанцы XIX – начало XX в. М., 1999. С. 315.
15. *Алимова Б.М., Амирханова А.К.* Мучные изделия в свадебных обрядах тюркоязычных народов Дагестана и Северного Кавказа // Вестн. Ин-та истории, археологии и этнографии. 2013. № 4(36). С. 89.
16. Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991. С. 447.
17. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1985. С. 143–144.
18. *Алимова Б.М.* Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала, 1989. С. 14.
19. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историческое прошлое. Культура. Быт. Махачкала, 2005. С. 127–128.
20. *Халидова М.Р.* Устное народное творчество аварцев. Махачкала, 2004. С. 110.

Поступила в редакцию 06.05.2014 г.

Принята к печати 28.09.2014 г.